

СТРАНЫ, НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ STATES, NATIONS AND CULTURES

научная статья
УДК: 903+7.046+398
DOI: 10.48612/rg/RGW.27.3.7

Параллели в изобразительных и фольклорных текстах колымских юкагиров и их предков

Жукова Людмила Николаевна ✉

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия
✉ zjukova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1645-8043>

***Аннотация.** Древние уралоязычные племена Восточной Сибири – предполагаемые предки юкагиров – в неолите, бронзовом, раннем железном веке и средневековье приняли в свой состав многие иноэтнические компоненты, присутствие которых выявляется в разных подсистемах традиционной юкагирской культуры. Вопросы первоначального территориального расселения этого, ныне малочисленного охотничьего народа, инструментарий, мифология и фольклор, предковые корни актуальны в исследованиях современных коренных народов Севера. В статье анализируются резные украшения и форма костяной пластины из Родинкского женского захоронения на нижней Колыме (Ымыяхтахская археологическая культура, поздний неолит). Отдельные древние привнесенные элементы рассматриваются на примере юкагирских (одульских) женских пиктографических писем на бересте и позднего фольклорно-мифологического текста. Определяются семантические связи и цепочки изменчивости между отдельными нарративами разных исторических эпох. Сопоставления текстов весьма далеких хронологически и по способу подачи информации (визуальная и фольклорно-мифологическая) позволили выявить гипотетически общие элементы в натурфилософских воззрениях на реинкарнацию души/тени умершего человека пришедшей иноэтнической группы. в позднем неолите и у современных лесных юкагиров. Предполагается, что эта группа появляется в Колымской тундре в позднем неолите, вероятно, из Приморья. Воссоздается общий мировоззренческий базис, весьма важный для этногенетических реконструкций, в основе которого лежат раннефилософские попытки мифопоэтически осмыслить феномен циркулирования неумирающей души человека. Автор опирается на методологии, разработанные в трудах зарубежных и отечественных ученых. Высказаны некоторые предположения, которые могут быть учтены и уточнены в ходе дальнейших исследований.*

Ключевые слова: Северо-Восточная Азия; аборигенный народ; поздний неолит; археология; фольклор; пиктография; культурные параллели; перспективы изучения

Для цитирования: Жукова Л.Н. Параллели в изобразительных и фольклорных текстах колымских юкагигов и их предков // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. Вып. 3. С. 127–139. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.3.7

© Жукова Л.Н., 2024. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 903+7.046+398

DOI: 10.48612/rg/RGW.27.3.7

Parallels in Visual and Folklore Texts Kolyma Yukaghirs and Their Ancestors

Ludmila N. Zhukova ✉

Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia
✉ zjukova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1645-8043>

Abstract. *The ancient Ural-speaking tribes of Eastern Siberia - the supposed ancestors of the Yukaghirs – in the Neolithic, Bronze, Early Iron Age and Middle Ages adopted many foreign ethnic components, the presence of which is revealed in different subsystems of traditional Yukaghir culture. Questions of the initial territorial settlement of this now small hunting people, tools, mythology and folklore, ancestral roots are relevant in studies of modern indigenous peoples of the North. The article analyzes carved decorations and the shape of a bone plate from the Ymyyakhtakh Late Neolithic Rodinka women's burial in the lower Kolyma (Ymyyakhtakh archaeological culture, Late Neolithic). Individual ancient introduced elements are considered, using the example of Yukaghir (Odul) women's pictographic letters on birchbark and late folklore and mythological text. Semantic connections and chains of variability between individual narratives of different historical eras are determined. Comparisons of texts with very distant chronologies and methods of presenting information (visual and folklore-mythological) made it possible to identify hypothetical common elements in natural philosophical views on the reincarnating soul/shadow of a deceased person among those who came, probably from Primorye to the Kolyma tundra in the late Neolithic of a foreign ethnic group. A common ideological basis is being recreated, which is very important for ethnogenesis reconstructions, which is based on early philosophical attempts to mythopoetically comprehend the phenomenon of the circulation of the undying human soul. The author relies on methodologies developed in the works of foreign and domestic scientists. Some hypothetical assumptions are made that can be considered and clarified in the course of further research.*

Keywords: Northeast Asia; Aboriginal people; Late Neolithic; archeology; folklore; pictography; cultural parallels; prospects for studying

For citation: Zjukova, L.N. Parallels in Visual and Folklore Texts Kolyma Yukaghirs and Their Ancestors. *Russia in the Global World*. 2024. Т. 27. Iss. 3. P. 127–139. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.3.7

© Zjukova, L.N., 2024. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Научная специальность ВАК:
5.6.1. Отечественная история

Введение

На современном этапе освоения ресурсов Арктики комплексное изучение традиционных культур народов Севера направлено на изучение и таких вопросов, как механизмы адаптации человека к суровым природным условиям высоких широт и выработка стратегии сохранения аборигенных культур в современном меняющемся мире. Особый интерес представляют исследования в области этногенеза и культурно-исторических связей населения отдельных территорий российского Севера и сопредельных территорий.

Предлагаемая публикация посвящена одному из уникальных явлений – параллелям в изобразительных и фольклорных текстах современных колымских юкагиров (конец XIX – конец XX вв.) и прикладном искусстве их далеких предков. Юкагиры – охотники на лося и рыболовы Верхнеколымского улуса (района) Республики Саха (Якутия) называют себя *одул* «сильный, могучий». Среди «культурных окаменелостей» одулов выделяются фольклорные тексты об архаических остроголовых и трехпалых предках, языческие/раннешаманские двух- и трехчастные мифопоэтические модели вселенной на предметах одежды, наследуемые от прошлого орнаментальные мотивы и символика цвета [1].

Продолжая в этом направлении сопоставительные исследования, мы обратили внимание на орнаментальное оформление костяного предмета из грунтового женского захоронения Родинка на нижней Колыме [2; 3]. С.П. Кистенев датировал памятник средним неолитом, однако В.А. Кашин и В.В. Калинина [4, с. 42, 43] убедительно доказали его поздненеолитический возраст (4100±100 – 3300±100 л. н., Ымыяхтахская археологическая культура). Проведенный ранее анализ погребального инвентаря и его семантики показали не местное происхождение этого археологического памятника, тяготеющего к Приморской зоне Дальнего Востока [5]. Уникальный памятник не был разграблен, благодаря чему сохранились разнообразные и многочисленные предметы из камня и кости. Весьма вероятно, пришлые племена привнесли в аборигенную среду охотников и рыболовов р. Колымы комплекс элементов южного происхождения. На протяжении тысяч лет Восточная Сибирь, ее арктические территория были посещаемы выходцами из соседних регионов, в особенности, южных.

Велика вероятность происходивших здесь адапционных и ассимиляционных процессов, в настоящее время малоизученных. Статья может быть интересна археологам, этнологам, исследователям в области регионоведения России и ее дальних территорий.

Цель работы заключается в выявлении и доказательстве присутствия ряда древних нарративов в мифопоэтических представлениях верхнеколымских одулов (конец XIX – конец XX вв.). Появляются основания более определенно говорить о специфике сюжетов, попавших в среду древних охотников и рыболовов нижней и верхней Колымы от пришлых предковых племен из Приморья.

Методы исследования

В статье рассматриваются сохранившиеся привнесенные элементы на примере одульских женских пиктографических писем на бересте конца XIX в. и фольклорного текста конца XX в., записанного и опубликованного автором статьи. Продолжено изучение резных украшений и формы костяной пластины из Родинковского захоронения в сопоставлении с этнографическими (пиктография) и устными (миф об реинкарнации тени/души человека) текстами верхнеколымских юкагиров. В результате «дешифровки» отдельных выбранных знаков из разного рода текстов, во-первых, констатированы возможные семиотические и образно-мифологические связи между археологическими первоисточниками и мифопоэтикой юкагиров нового и новейшего времени; во-вторых, в среде аборигенных носителей культуры предположительна пролонгация отдельных архетипов-символов общего культурного поля. Хронологический диапазон исследований охватывает огромный по историческим масштабам период от позднего неолита до современности.

Статья написана в русле междисциплинарных исследований с применением сравнительно-сопоставительного и структурно-семиотического методов. Автор опирается на методологии, разработанные в трудах отечественных [6; 7; 8] и зарубежных ученых. Согласно теории К. Леви-Стросса «Структуралистическая теория мифа... показывает, что [мифологическое] мышление способно к обобщениям, классификациям и логическому анализу... При этом прежде всего вычлняются в своей дискретности многочисленные бинарные оппозиции типа высокий – низкий,

тёплый – холодный, левый – правый и т. д. ... при переходе от мифа к мифу сохраняется (и тем самым обнажается) их общая "арматура", но меняются "сообщения" или "код". Это изменение при трансформации мифов большей частью имеет образно-метафорический характер, так что один миф оказывается полностью или частично "метафорой" другого» [8, с. 19].

Тезис о внешней, образно-метафорической трансформации мифопоэтического сюжета при сохранении общего базисного ядра находит подтверждение в привлекаемых к исследованию разновременных нарративов. Единая основа мифопоэтических образов считается даже при переносе знаковой информации с изобразительного на фольклорный текст. В результате воссоздается общее для рассматриваемых нарративов семиотическое поле. Использование разных методологических приемов направлено на дешифровку многопланового знакового мира, оставленного предками древних племен Восточной Сибири, заставляя его «заговорить» и донести информацию до современности не только в виде отдельных тезисов, а разворачивая логически выстроенную и необычайно яркую палитру языческого прошлого.

Материалы, результаты исследования и их обсуждение

Анализ формы и украшений только лишь одного предмета из коллекции уникальных находок поздненеолитического женского захоронения на нижней Колыме выявил определенные параллели в изобразительном искусстве и мифопоэтике верхнеколымских одулов конца XIX – конца XX вв. Относительно хорошо изученные компоненты одульского культурного поля позволили с долей вероятности прочесть сакральное содержание древних резных рисунков. Общность идейного замысла текстов заключается в трансляции идеи реинкарнации тени/души умершего. На протяжении почти четырех тысяч лет потомки аборигенного населения р. Колымы сохраняют специфические знаковые символы. Предположителен источник заимствований из Приморской зоны Дальнего Востока, ранее исследовавший этот археологический памятник С.П. Кистенев выявил отдельные параллели в погребальном обряде, инструментарии, орнаментации изделий из памятников Прибайкалья и Оленеостровских могильников на северо-западе Евразии [3]. Анализируя орнамент и назначение пластины исследователь писал: «изделие из бивня

мамонта... вероятно, представляло собой некий символ потустороннего мира» [3, с. 73].

В интерпретациях резных орнаментов на широкой костяной пластине (6x4 см) неизвестного назначения из Родинковского грунтового захоронения молодой женщины (до 25 лет), Ымыяхтахской археологической культуры [2, с. 80, табл. III/23] мы опирались на материалы юкагирской культуры как одной из древнейших на северо-востоке Азии. Пластина по одному длинному краю сильно разрушена, после реконструкции, в том числе украшений на одной из ее плоскостей, оказалось, что форма изделия приближается к удлинённой подкове, нижний край которой прямой (рис. 1.1.). Начальный этап изучения украшения на предмете из кости предпринимался нами ранее [1, с. 162, 163; 9]. Было предположено, что на одной из широких плоскостей с пятью горизонтальными рядами изображений вычленённая виртуальная «дробь» в «числителе» имеет один отросток с крючком (символ растения?), а в «знаменателе» – антропоморфную фигуру. В целом, полученная виртуальная «дробь» моделирует двухчастную или трехчастную графему с вероятными заложенными в ней идеями реинкарнации [9, с. 201]. Все пять рядов резных знаков по исполнению однотипны, число рисунков в них разное вследствие ограничения формы сакрального изделия и разрушения его части. Не ясно, является ли орнаментальным приемом пятикратное повторение рядов «дробей», или композиция несет определенный смысл (например, пять мифических ярусов). На другой широкой плоскости пластины вырезаны те же человекоподобные фигуры и графические знаки.

Продолжая семиотическое изучение уникального поздненеолитического изделия, можно отметить предполагаемую иконографию умершего человека посредством остроголового антропоморфа (маркер нижнего мира мертвых) в «знаменателе» выведенной дроби и общую разработанность сюжета с использованием знаков в орнаментальном оформлении. Для Колымского региона остроголовые изображения на пластине из кости – самые архаичные. Известно, насколько широк был ареал распространения остроголовых человечков в композиции с круглоголовыми и иными абрисами на писаных скалах бассейна р. Лены, Забайкалья, Приамурья [10; 11; 12]. Образ предка одулов «Дедушки с Остроконечной Головой» удалось

зафиксировать В.И. Иохельсону в конце XIX в. [13, с. 222]; пролонгация образа под именем «грешник Большая Острая Голова» наблюдалась в фольклоре конца XX в. [14, ч. 1, № 9].

Визуально специфические изображения закреплены в народном искусстве. В пиктографических любовных письмах одульских девушек запечатлено синкретичное сочетание двух самостоятельных знаковых образов: растения-дерева и человека, фигуры женщин и мужчин в письмах одинаково остроконечны (рис. 1.2., 1.3.) [13, с. 622, 623; рис. 71в, е]. Островерхий абрис антропоморфов считается в современном декоративно-прикладном искусстве (мужской охранитель домашнего очага *пэн йуойэ* из дерева и вышивка на мягких материалах) [15, с. 6, 9].

Предпринятые нами ранее реконструкции знакового мира одулов на материале притчи «Приход тени человека с нижней земли на среднюю землю» [14, ч. 1, № 11] о реинкарнации тени/души умершего через растительный код продолжили те же семантические ряды. По сути, вычлененная «дробь» поздненеолитического рисунка на кости (растительный знак – антропоморф) в резной графике иллюстрирует начальную завязку юкагирской притчи («Тень человека, став соломиной, с нижней земли на среднюю землю вышла, поднялась...») до включения в сюжет зооморфных носителей тени/души [9, с. 202]. На р. Колыме остроголовая иконография людей, предков, вероятно, продолжает традиции наскального искусства племен бассейна средней Лены периода неолита – бронзового века. Транслирование изобразительных приемов продолжается через современное декоративно-прикладное искусство и фольклор потомков древнего населения Восточной Сибири.

В результате применения структурно-семиотического метода получаем общие знаковые коды культурного поля пришлой в колымскую тундру древней группы и современных одулов. Вероятно, гипотетическая цепочка мифопоэтического феномена циркулирования неумирающей тени/души человека была известна еще в месте исхода и в позднем неолите принесена на нижнюю Колыму. Не ясно, выведенная мифологема имела ли распространение на иных территориях, что способствовало бы из области догадок перенести вектор исследований в предметную плоскость.

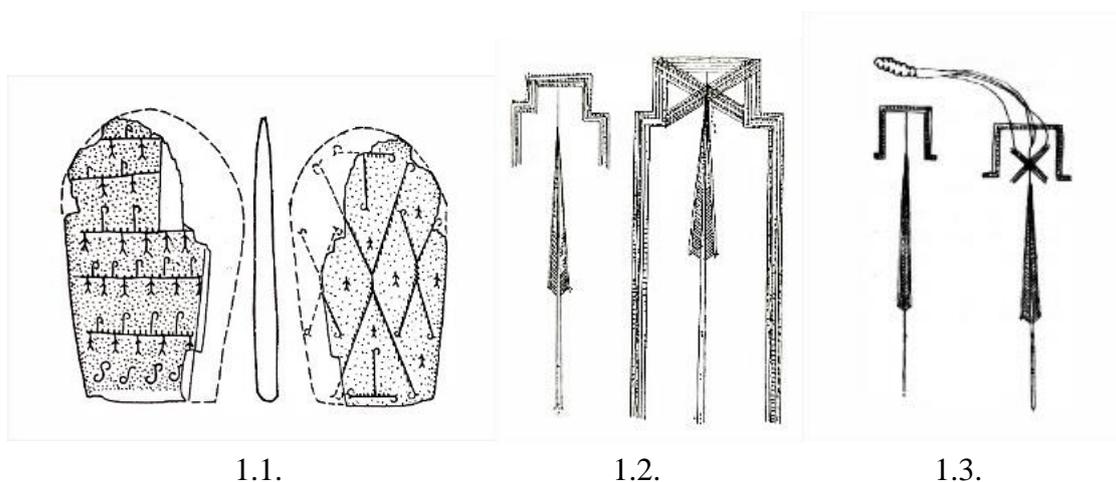

Рис. 1.1. – пластина из кости с резными орнаментами из Родинского погребения (по: [2, с. 80]); 1.2. и 1.3. – женские пиктографические письма на бересте (по: [13, с. 622, 623]).

Другая сторона пластины является еще одной вероятной иллюстрацией идеи реинкарнации. Здесь, как мы ранее описывали предмет, длинные резные линии с крючками на концах образуют два противоположащих острых угла, соединенных вершинами, в целом фигура напоминает «косой крест – свастику с концами, загнутыми по часовой стрелке, с четырьмя остроголовыми человечками внутри каждой части. Косой крест в композиции с четырьмя антропоморфами может представлять реинкарнационный знак» [9, с. 201]. Таких знаков три: большой центральный и два малых по длинным сторонам. Верх и низ плоскости украшены симметрично вырезанными двумя короткими перпендикулярами с такими же по солнцу направленными загнутыми концами.

Весьма интересно, что контаминация остроголового антропоморфа и косоугольного креста имеет место в женских пиктограммах одулов. В двух письмах изображены юноши (слева) и девушки (справа), над их головами почерчены дома со ступенчатыми плоскими крышами (рис. 1.2., 1.3.). У трех фигур жилища виртуальные, условно-усеченные, только девушка на (рис. 1.2.) находится в полноценном выстроенном доме. Композиционно косой крест внутри жилищ совмещен с остроконечной фигурой, а это находит близкий налог в резьбе на костяной дощечке: если под косой свастикой вычленить нижнюю антропоморфную фигуру. Крест и антропоморф значительно различаются по величине, а в абрисе человека нет растительного компонента. Вычлененные фрагменты резного украшения на сакральном предмете из женского погребения и из одульского женского письма демонстрируют визуальные параллели в

композиционном решении. Ряд гендерных признаков можно продолжить указанием на то, что в пиктограммах крест помещен только над женскими фигурами. Объединяющим раритеты разных эпох является резной способ нанесения украшения на кости и бересте.

Сопоставимы и верхние части сравниваемых нарративов: дугообразная форма костяной поделки (возможный символ божественного неба) приобрела вид ступенчатой графики в абрисах одульских жилищ. В монографии В.И. Иохельсона косые кресты над головами девушек, соответственно объяснение самих писем, интерпретируются как знаки грусти, печали и скорби, адресованные отсутствующим юношам, однако мы предлагаем иную трактовку. Приведенные образцы 7 писем [13, рис. 71а-ж] обнаруживают явные графические трафареты в обозначении остроголовых людей, их реальных или виртуальных жилищ, «дорог» мыслей и чувств. То же относится к косым крестам, вписанным в прямоугольники и квадраты – они обозначают чувства взаимной любви, дружбы, симпатии. Особая благодатная семантика креста под лучистой дугой сопровождает верхнюю часть графем мифологической вселенной позднего неолита – раннего железного века [10, с. 119, табл. 13/3; с. 128, табл. 23; с. 129, табл. 24].

Ранее на основе многих примеров схождения была показана общность знакового мира петроглифов средней Лены и юкагирского искусства [1], на основании чего считаем, что крест в контаминации с женской фигурой имеет значение благоприятного символа, потенциальной силы, в письмах он читается как предложение дружбы и любви с вероятной метафорой продолжения рода. Композиционное построение правой женской части писем является дублированием вычлененного фрагмента украшения нижнеколымского раритета: дом/небо, крест, остроголовый антропоморф. С сожалением нужно заметить, что женские пиктограммы очень поздно (конец XIX в.) и в небольшом количестве стали известны науке для формулирования более конкретных выводов.

Заключение

Семантико-семиотический анализ раритета из нижнеколымского грунтового захоронения дал импульс для формулирования ряда предположений, гипотетический характер которых обусловлен, главным

образом, значительным хронологическим барьером и сложностью реконструирования сюжетов духовной жизни аборигенных племен Восточной Сибири. Одним из шагов для констатации определенных генетических связей нужно рассматривать предпринятое исследование. Результатом «дешифровки» отдельных выбранных знаков из разного рода текстов явились выводы, во-первых, о вероятности существования семиотических и образно-мифологических параллелей между археологическими первоисточниками и мифопоэтикой юкагиров нового и новейшего времени; во-вторых, в среде аборигенных носителей культуры предположительно пролонгация отдельных архетипов-символов общего культурного поля.

Мифопоэтическая наполненность одульской притчи о возвращении тени/души умершего, логическая и композиционная целостность всего этиологического текста могут свидетельствовать о преемственности из неизвестного первоисточника. Едва ли в аборигенной раннеюкагирской среде охотников на лося/оленья возник и получил развитие миф с включением в реинкарнационный оборот персонажей – представителей зооморфных кодов трехчастной шаманской вселенной: птицы, мыши и рыбы. Примечательно, что в реинкарнационную цепочку не включены копытные животные тайги и тундры (лось/олень). Также в юкагирском тексте отсутствует антропоморфное звено с деятельным демиургом, что является хронологическим индикатором времени до активной антропоморфизации пантеона (см. об этом: глава 1, «Юкагирский и древнекитайский мифы о сотворении человека: сюжетное и структурное сходство», [16, с. 17–31).

Исследование показало наличие особого рода «культурных окаменелостей» в виде общих знаковых символов в логически построенной схеме реинкарнации у поздненеолитических пришельцев в нижнеколымскую тундру и современных верхнеколымских юкагиров. Предположительно южный «растительный» код заимствований. Примечательно, что мифопоэтическую традицию наследуют декоративно-прикладное искусство и фольклор одулов конца XIX – конца XX вв. На протяжении тысячелетий в бесписьменной, в современном понимании культуре северного народа, сохранялись механизмы передачи информации. Обнаружены не музеефицированные элементы прошлого, а

существование живой традиции, способы передачи которой мало исследованы. Считыванию сакрального содержания текстов способствовало применение структурно-семиотического метода и наличие благодаря усилиям ученых фонда раритетов разных эпох. Для современной науки важным является изучение феномена параллельного существования с современным цивилизованным обществом «другого» взгляда на мир для формирования стратегии дальнейшего взаимодействия разных картин мироустройства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Жукова Л.Н. Очерки по юкагирской культуре. Ч. 2. Мифологическая модель мира. Новосибирск: Наука, 2012. 360 с.
2. Кистенев С.П. Новые археологические памятники бассейна Колымы // Новое в археологии Якутии. Якутск: Изд-во ЯФ СО АН СССР, 1980. С. 74–87.
3. Кистенев С.П. Родинское неолитическое захоронение и его значение для реконструкции художественных и эстетических возможностей человека в экстремальных условиях Крайнего Севера // Археологические исследования в Якутии. Новосибирск: Наука, 1992. С. 68–83.
4. Кашин В.А., Калинина В.В. Помазкинский археологический комплекс как часть циркумполярной культуры. Якутск: Северовед, 1997. 109 с.
5. Жукова Л.Н. Древние грунтовые погребения реки Колымы (палеоэтнографический анализ) // Homo Eurasicus в системах социальных коммуникаций: материалы VI Всероссийской науч.-практ. конф. (СПб., 26 окт. 2015). М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. С. 317–342.
6. Габышева Л.Л. Фольклорный текст: Семиотические механизмы устной памяти. Новосибирск: Наука, 2009. 143 с.
7. Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М.: Наука, 1965. 246 с.
8. Мифы народов мира / Отв. ред. С.А. Токарев. М.: Советская Энциклопедия, 1980, т. 1 (А–К), 672 с.; 1982, т. 2 (К–Я), 720 с.
9. Жукова Л.Н. Злокозненные силы в традиционных верованиях и фольклоре лесных юкагиrow // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 77. С. 196–206.
10. Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Средней Лены. Л., 1972. 271 с.
11. Окладников А.П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. Л.: Наука, ч. 1, 1969. 220 с.; ч. 2, 1970. 363 с.
12. Окладников А.П., Мазин А.И. Писаницы реки Олекмы и Верхнего Приамурья. Новосибирск: Наука, 1976. 190 с.
13. Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / Пер. с англ. В.Х. Иванова и З.И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск: Наука, 2005. 675 с.
14. Фольклор юкагиrow верхней Колымы / Сост. Л.Н. Жукова, И.А. Николаева, Л.Н. Демина. Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 1989. Ч. 1. 161 с.; Ч. 2. 89 с.

15. Жукова Л.Н. Декоративно-прикладное искусство лесных юкагиров. Альбом. Якутск: Якутский край, 2011. 24 с.

16. Жукова Л.Н. Юкагирско-китайские фольклорно-мифологические параллели (к постановке вопроса) / Отв. ред. А.А. Немировский. СПб.: ООО Свое издательство, 2022. 76 с.

REFERENCES

1. Zhukova L.N. Ocherki po jukagirskoj kul'ture [Essays on the Yukaghir Culture]. Ch. 2. *Mifologicheskaja model' mira*. Novosibirsk: Nauka, 2012. 360 p. (In Russian).
2. Kistenev S.P. Novye arheologicheskie pamyatniki bassejna Kolymy [New archaeological sites of the Kolyma basin]. *Novoe v arheologii Yakutii*. Yakutsk: Publ. in Yakut Branch of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 1980. P. 74–87. (In Russian).
3. Kistenev S.P. Rodinskoe neoliticheskoe zahoronenie i ego znachenie dlia rekonstrukcii hudojestvennykh i esteticheskix vozmojnostej cheloveka v ekstremal'nykh usloviyah Krainego Severa [Rodinsk Neolithic burial and its significance for the reconstruction of artistic and aesthetic possibilities of a person in the extreme conditions of the Far North]. *Archaeological research in Yakutia*. Novosibirsk: Nauka, 1992. P. 68–83. (In Russian).
4. Kashin V.A., Kalinina V.V. Pomazkinskiy arheologicheskiy kompleks kak chast' tsirkumpolyarnoy kul'tury [Pomazkinsky archaeological complex as part of the circumpolar culture]. Yakutsk: Severoved, 1997. 109 p. (In Russian).
5. Zhukova L.N. Drevnie gruntovye pogrebeniya reki Kolymy (paleoetnograficheski analiz) [Ancient soil burials of the Kolyma River (paleoethnographic analysis)]. *Homo Eurasicus v sistemax socialnykh kommunikativ*: (Materialy VI Bserossiiskoi n-prakticheskoi konferencii). Moscow-Berlin: Publ. in Direct-Media, 2015. P. 317–342. (In Russian).
6. Gabysheva L.L. Fol'klornyj tekst: Semioticheskiye mekhanizmy ustnoj pamyati [Folklore text: Semiotic mechanisms of oral memory]. Novosibirsk: Nauka, 2009. 143 p. (In Russian).
7. Ivanov V.V., Toporov V.N. Slavyanskiye yazykovyye modeliruyushchiye semioticheskiye sistemy [Slavic language modeling semiotic systems]. M.: Nauka, 1965. 246 p. (In Russian).
8. Mify narodov mira [Myths of the peoples of the world]. Otv. red. S.A. Tokarev. M: Sovetskaja jenciklopedija, 1980 T. 1 (A–K), 672 p.; 1982 T. 2 (K–Y), 720 p. (In Russian).
9. Zhukova L.N. Zlokoznennyje sily v traditsionnykh verovanijakh i fol'klоре lesnykh jukagirov [Malicious forces in traditional beliefs and folklore of the forest's Yukaghirs]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*. 2022 № 77 P. 196–206. (In Russian).
10. Okladnikov A.P., Zaporozhskaja V.D. Petroglify Srednej Leny [Petroglyphs of the Middle Lena]. Leningrad: Nauka, 1972. 271 p. (In Russian).
11. Okladnikov A.P., Zaporozhskaja V.D. Petroglify Zabaikal'ia [Petroglyphs of Transbaikalia]. Pt. 2. Leningrad: Nauka, pt. 1; 1969, 220 p.; pt. 2, 1970, 363 p. (In Russian).
12. Okladnikov A.P., Mazin A.I. Pisanitsy reki Olekmy i Verhnego Priamur'ia [Petroglyphs of the Olekma River and the Upper Amur Region]. Novosibirsk: Nauka, 1976. 190 p. (In Russian).
13. Iohel'son V.I. Jukagiry i jukagirizirovannye tungusy [Yukagirs and yukagirized Tunguses]. Translate from English by V.H. Ivanova i Z.I. Ivanovoj-Unarovoj. Novosibirsk: Nauka, 2005. 675 p. (In Russian).

14. Fol'klor jukagirov Verkhnej Kolymy [The folklore of the Upper Kolyma Yukaghirs]. L.N. Zhukova, I.A. Nikolaeva, L.N. Demina (Comps). Yakutsk, Izd-vo Yakut. un-ta, 1989, pt. 1, 161 p.; 1989, pt. 2, 89 p. (In Russian).
15. Zhukova L.N. Dekorativno-prikladnoe iskusstvo lesnix jukagirov [Decorative and applied art of the forest's Yukaghirs]. Album. Yakutsk: Publ. in Yakut Region, 2011. 24 p. (In Russian).
16. Zhukova L.N. Jukagirsko-kitajskie fol'klorno-mifologicheskie paralleli (k postanovke voprosa) [Yukagir-Chinese Folklore-Mythological Parallels (to the Question)]. Otv. red. A.A. Nemirovskij. Sankt-Peterburg: Svoe izdatel'stvo, 2022. 76 p. (In Russian).

Сведения об авторах / Information about authors

Жукова Людмила Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории археологии. Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук.
E-mail: zjukova@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1645-8043.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Zhukova Ludmila N. – PhD in History, Senior Researcher at the archeology laboratories. Institute for Humanitarian Studies and Problems of the Small Peoples of the North Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: zjukova@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1645-8043.

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.07.2024. Одобрена после рецензирования 30.07.2024. Принята 31.07.2024.
Received 19.07.2024. Approved after reviewing 30.07.2024. Accepted 31.07.2024.*